

**О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ЯВЛЕНИЯХ В СОЧЕТАЕМОСТИ
ЛЕКСЕМ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА
(На материале атрибутивно-субстантивных комплексов)**

Согласно современным лингвистическим исследованиям, демократизация и интеллектуализация — две наиболее последовательно проявляющиеся тенденции в развитии русского языка XX–XXI вв., которые создают неповторимое сочетание положительных и отрицательных языковых/речевых фактов. В настоящем исследовании предложена попытка проявления тенденций интеллектуализации и демократизации в сфере лексической сочетаемости на материале так называемых атрибутивно-субстантивных комплексов (АСК) — сочетаний слов, построенных по модели «имя прилагательное + имя существительное» и отобранных методом сплошной выборки из произведений современной художественной прозы и печатных СМИ в 2000–2005 гг. Выявленные особенности сочетаемости лексем в трех описанных типах АСК (узуальные, окказиональные, нормативные) иллюстрируют некоторые новые и традиционные процессы, свойственные русскому языку начала XXI века.

В новейшей лингвистической литературе, посвященной исследованиям состояния русского языка на рубеже XX–XXI веков, наиболее четко выделяются две основные тенденции в развитии современного русского языка. Первая из них, достаточно подробно описанная русистами, чаще всего именуется *демократизацией* и значительно реже — *вульгаризацией* и даже *криминализацией*, другая же, изученная менее детально, получила название *интеллектуализации* языка. Эти противоположные и, вместе с тем, комплементарные (дополнительные) тенденции в развитии русского языка проиллюстрированы на примере разных языковых сфер, однако, как показывают исследования, наиболее наглядно они проявляются в области лексики и фразеологии, значительно реже — на уровне словообразования и морфологии и наименее заметны на фонетическом уровне¹. Что касается синтаксиса, то здесь отмеченные выше тенденции находят свое воплощение в противопоставлении «интеллектуальных» конструкций (логически четко построенных, с эксплицитно представленными синтаксическими связями, с

последовательным расположением компонентов) конструкциям «аффективным» — экспрессивным, выразительным, ярко передающим чувство² — и проявляются, главным образом, в виде сложных, многоступенчатых и разветвленных комбинаций на уровне предложений и сверхфразовых единств. В этой связи, вероятно, оказывается наименее изученной сфера установления общих тенденций развития русского языка на уровне словосочетания, которое, согласно множеству отечественных работ в области синтаксиса, имеет ряд принципиально значимых отличий от предложения — основной синтаксической единицы.

Целью настоящего исследования является выявление общих тенденций в развитии русского языка начала XXI века в сфере лексической сочетаемости на материале так называемых атрибутивно-субстантивных комплексов — сочетаний слов, построенных по модели «имя прилагательное + имя существительное» и отобранных методом сплошной выборки из произведений современной художественной прозы и печатных средств массовой информации в 2000–2005 гг.

Собранные в течение нескольких последних лет сочетания имен существительных с именами прилагательными условно можно разделить с учетом интралингвистических и экстралингвистических позиций на три группы: *узуальные, окказиональные и ненормативные*. Сочетания, относящиеся к узуальным, широко и активно используются в настоящее время в речи носителей русского языка, понятны и в большинстве своем общедоступны; окказиональные сочетания являются единичными и индивидуальными комплексными знаками, в то время как ненормативные построения, несмотря на достаточно гибкое и дифференцированное современное отношение к норме, свидетельствуют об элементарной неграмотности и недостаточной речевой культуре носителей языка. Каждая из этих выделенных групп имеет ряд отличительных признаков и является результатом некоторых новых и традиционных процессов, свойственных современному русскому языку начала XXI века.

Что касается особенностей создания и функционирования *узуальных* сочетаний, построенных по модели «имя прилагательное + имя существительное», то необходимо заметить, что валентностные и сочетаемостные возможности имен полностью отражают общие тенденции в лексической сочетаемости языка, пришедшего на смену, в терминологии зарубежных русистов, *langue de bois* — «деревянному», или «дубовому языку» — ритуальной публичной читке с трибун письменных текстов³.

Об общей тенденции *демократизации* современного русского языка начала XXI века свидетельствуют следующие явления в сочетаемости имен существительных с именами прилагательными:

1) свободная сочетаемость слов, принадлежащих изначально разным функ-

циональным стилям, и последующее нивелирование первоначальных стилистических установок. Наиболее ярким примером в этой связи является появление и широкое распространение различных словосочетаний с существительным *беспредел* — словом, пришедшим в разговорную речь из уголовного жаргона, ср.: *административный беспредел, правовой беспредел, армейский беспредел* и даже *языковой беспредел* и др.⁴;

2) активизация сочетаний некоторых политически насыщенных слов со словами иного семантического ряда: ср., например, сочетания с прилагательным *государственный* типа *государственный карман, государственная цена* или с существительным *социализм* типа *административный социализм, аппаратный социализм, застойный социализм, вульгарный социализм, имперский социализм, казарменный социализм, монархический социализм* и др.;

3) приобретение некоторыми прилагательными оценочного значения, не свойственного им ранее. Особенно показательны в этом отношении прилагательные *знаковый, культовый, деликатный* (ср., напр., *знаковая фигура, деликатная стирка, культовый фильм / игрок / актер / произведение* и др.);

4) смена оценочной доминанты с мелиоративной на пейоративную (чаще всего с иронической окраской) многих частотных и регулярных сочетаний социалистической эпохи: *большевицкая прямота, братское сотрудничество, массовый энтузиазм, мудрый вождь, светлое будущее, счастливое детство, трудовой подъем, партийная позиция, пролетарский гуманизм, ударная вахта* и др.;

5) выход из активного употребления некоторых атрибутивно-субстантивных сочетаний, обозначавших реалии советской действительности: *железный занавес*

вес, колониальная эпоха, колониальный режим, колхозная собственность, колхозное землепользование, коммунистическая партия, коммунистическое воспитание, комсомольский вожак, красный уголок, красная книжка, ленинская вахта, ленинский субботник, моральный кодекс, народный контроль, народная дружина, народный университет, народный фронт, научный коммунизм, партийная организация, пионерская дружина, плановое руководство, трудовой порыв и др. Особенно этот тезис касается множества сочетаний с прилагательным *советский* (*власть, большинство, деятельность, вождь, правительство, работник, служащий, продукция, метод, хозяйство* и др.), подробно описанных, например, в работе С. И. Ожегова «Из истории слов социалистического общества»⁵.

Не менее ощутимы при анализе *узловых* сочетаний, построенных по модели «имя прилагательное + имя существительное», тенденции к *интеллектуализации* современного русского языка, ведущие к усложнению дискурса, к возникновению и использованию на всех уровнях языка элементов, связанных с достижениями научно-технического и общественного прогресса в XX — в начале XXI века. Сюда можно отнести следующие замеченные особенности в сочетании имен существительных с именами прилагательными:

1. Появление новых сочетаний-клише, созданных на базе общеупотребительных существительных и прилагательных, что вызвано требованиями наименований новых реалий действительности:

а) в социально-политической сфере: *европейский союз, «общиноевропейский дом», Шенгенская конвенция, Шенгенские соглашения, ближнее зарубежье, русское зарубежье, тихая революция,*

бархатная революция, оранжевая революция, чеченская война, «жневский дух», двойное гражданство, правовое государство, организованная преступность, свободный микрофон и др.,

б) в области экономики: *общий рынок, вторичный рынок, мировой рынок, мировые цены, мертвая зона, скрытый безработный, августовский дефолт, большой бизнес, малый бизнес, быстрые деньги, новый русский, потребительская корзина, свободные цены, средний класс, твердая валюта, финансовая блокада, финансовый пресс, финансовая пирамида, центральный банк, экономические беженцы* и др.;

в) в науке и технике (особенно в связи с внедрением новых компьютерных технологий): *персональный компьютер, белая сборка, внешняя память, внешнее устройство, оперативная память, трехпальцевый салют* (сброс компьютера одновременным нажатием клавиш Ctrl-Alt-Del) и многие другие (некоторые лингвисты склонны видеть тенденцию к интеллектуализации языка в создании интеллектуальных жаргонов, в том числе и так называемого компьютерно-интернетского жаргона⁶);

г) в сфере культуры, искусства, образования и т. п.: *авторская школа, белое братство, белая ведьма, биологические часы, восточные единоборства, восточный календарь, гражданский брак, металлическая субкультура* и др.

Необходимо заметить, что, по справедливому замечанию Н. С. Валгиной, «новым в таких клише является именно сочетание слов, а не слова как таковые»⁷. Более того, в ряде случаев можно смело говорить о том, что некоторые сочетания перешли из свободных в сферу несвободной сочетаемости и их суть сводится не к «семантической несвободе» входящих в них компонентов, а к

тому, что М. В. Никитин назвал «имплицитными приращениями смысла сверх словарных значений сочетающихся имен»⁸.

2. Создание новых сочетаний на основе заимствованных существительных или прилагательных, образованных от заимствованных слов, ср., напр., *финансовый лизинг, парламентские слушания, «Золотой сайт»* (Всероссийский интернет-конкурс), *байеровский аспирин* (фирмы «Байер»), *онлайновые технологии / службы / магазины / фильмы / библиотеки / режимы* и т. п., *электронный / сетевой / многоуровневый* и др. *маркетинг*.

3. Возникновение атрибутивно-субстантивных сочетаний вследствие появления новых значений у существительных или прилагательных: *временный файл, всемирная паутина* (сервис в Интернете), *деревянная валюта, деревянные деньги, деревянный рубль, дружественный компьютер* (обеспечивающий защиту от ошибок), *желтая сборка, жесткий диск, зеленый компьютер, коричневая опасность, крутой заработок / офис / мужик / боевик* и др., *официальный дилер / дистрибьютор, правое издание* (верный идеям марксизма-ленинизма), *профессиональная армия, профессиональная преступность, традиционная медицина, черный рынок* и др.

4. Возвращение в активный обиход сочетаний, не употреблявшихся или крайне редко употреблявшихся в России после 1917 года (главным образом социально-политические наименования или названия, связанные с религией): *Государственная Дума, Городская Дума, дворянское собрание, казачий круг, муниципальный округ; Великий пост, Вербное воскресенье, воскресная школа, Духов День, Духовная академия, Звонильная неделя, Красная горка, Медовый Спас, Петров пост, престольный*

праздник, Светлое Воскресенье, Рождественский сочельник и др.

5. Заимствование из других языков готовых сочетаний, построенных по модели «имя прилагательное + имя существительное»: *горячая линия* (англ. hot line), *горячие деньги* (англ. hot money), *черные деньги* (англ. black money) и т. п.

6. Возникновение новых значений у сочетаний «имя прилагательное + имя существительное», ср., напр., *почтовый ящик* (в информатике = электронный почтовый ящик 'место на жестком диске почтового сервера, служащее для хранения сообщений электронной почты до связи с компьютером адресата')⁹ и т. п.

В этих и некоторых других *узуальных* атрибутивно-субстантивных сочетаниях тенденция к интеллектуализации проявляется, на наш взгляд, в том, что многие из них так или иначе связаны с достижениями научно-технического и общественного прогресса и требуют от носителя языка, слышащего или употребляющего в речи подобные единицы, определенных (а в ряде случаев и серьезных) знаний и познаний из области политики, экономики, юриспруденции, истории, философии, а также иностранных языков и других культур. Более того, крайне важным является тот факт, что многие из этих сочетаний переходят из свободной сферы функционирования в особый терминологический пласт, без которого уже не может существовать современный язык, так как термины, по словам С. Е. Никитиной, являются сгустками смысла¹⁰ и своего рода маркерами уровня многих достижений человечества.

Эти же две противоположные и complementary тенденции в развитии русского языка можно наблюдать и на материале так называемых *окациональных* (от лат. occasion, род. пад. occasionis

— случай, повод) атрибутивно-субстантивных сочетаний. Сочетания подобного рода являются, как известно, результатом индивидуального языкотворчества и встречаются, главным образом, у представителей творческих профессий (писателей, поэтов, журналистов и т. п.), имеющих потребность в создании новых форм, слов и сочетаний слов. Среди выявленных нами окказиональных сочетаний наибольший интерес представляют комбинации имен существительных с именами прилагательными в художественных и публицистических текстах, где, как известно, законы «притяжения» слов друг к другу особые. В основе создания многих художественных образов, ставших хрестоматийными примерами эпитетов, метафор, метонимий, лежит нарушение привычных связей слов, или семантическая несочетаемость лексем (ср., например, *нарядная печаль, плешивый силлогизм, кипучий лентяй, холостой фокстерьер* и др.), что наиболее ярко проявляется в оксиморонных (оксюморонных) комбинациях. Как справедливо заметила Н. А. Кобринина, «при соединении единиц, принадлежащих к абсолютно несовместимым, контрастным когнитивным областям или, наоборот, дублирующих друг друга по передаваемому смыслу, может получиться смысловой абсурд при соблюдении грамматической модельности и языковых правил сочетаемости, но может также образоваться нечто неординарное с точки зрения реальности»¹¹.

При этом важно заметить, что некоторые из этих «неординарных с точки зрения реальности» сочетаний, претерпевая различные семантико-структурные изменения, становятся, как известно, общеупотребительными и получают всеобщее признание, ср., например, *пышное увяданье* (А. Пушкин), *мертвые*

души (Н. Гоголь), *живой труп* (Л. Толстой), *весенняя осень* (А. Ахматова), *наглая скромность* (А. Блок), *веселая тоска* (С. Есенин), *английская испанка* (М. Сервантес), а также *бесструнная балалайка, обыкновенное чудо, белая ворона, горькая радость, звонкая тишина, красноречивое молчание, сладкая скорбь, взрослые дети, умный дурак, молодой старик* и др. Другие же (и таких, вероятно, большинство) так и остаются авторскими, индивидуальными образованиями, «привязанными» к единственному, конкретному контексту, ср. примеры, извлеченные из печатных СМИ (2000–2005 гг.): *злая радость, люта радость, веселая скорбь, человеческая жестокость, жестокое милосердие, трудолюбивый лентяй, знакомая незнакомка, богатый нищий, товарищеская война, блистательное отсутствие, отважный плакса, красивый урод, знойный гололед, ледяное пламя, бесстыжее целомудрие, православная дискотека, зимний огород, живая смерть, бессовестная совесть, тихий Беслан (с убийством детей), нежный паразит, полезный алкоголь, каменное стекло, детский ад, горький десерт, голливудские стахановцы, русский Бельмондо, вечное мгновение, бедный банк, полезные микробы* и др. При этом важно заметить, что активизация образований подобных сочетаний, построенных на основе оксюморона, в последнее время приобрела наибольшее распространение, что обусловлено, на наш взгляд, переоценкой многих существовавших ранее ценностей, переломом определенных мировоззрений и изменениями стереотипов мышления.

Более того, оксюморонные сочетания являются также свидетельством совмещения двух основных тенденций — демократизации и интеллектуализации. Так, на наш взгляд, тенденция к демо-

кратизации проявляет себя в нарушении привычных образцов сочетаемости лексем. Вместе с тем, умение создавать определенный художественный образ, способность мыслить художественными образами иногда называют «божьим даром», и это не случайно. Создание литературных шедевров, так же как и музыкальных, художественных и др., — результат особых когнитивных (познавательных) способностей индивида. Для того чтобы «нарушить лексическую сочетаемость», недостаточно просто соединить несоединимые слова, необходимо, в первую очередь, создать (представить) тот образ (ср. *кипучий лентяй, холостой фокстерьер*), которого, в принципе, не существует. Если при воспроизводстве «обычных» сочетаний типа *красное яблоко* участвуют такие когнитивные способности, как память, зрение, мышление и воображение, то создание и реализация так называемых «нарушенных», несовместимых с языковых позиций сочетаний связаны, в первую очередь, с доминирующей функцией воображения. Более того, считается, что сочетания типа *фиолетовый апельсин* невозможны из-за смысловой несовместимости компонентов, однако осознание и узнавание несовместимости происходит только благодаря действию основных когнитивных способностей человека, таких как зрение, мышление и восприятие. Только в результате «функционационирования» когнитивных способностей человека полученный на основе добытых и приобретенных знаний опыт каждого индивида находит свое отражение в языке, и в результате могут быть созданы такие, казалось бы, несовместимые сочетания слов, которые называются *оксюморонами*.

Н. А. Кобрин обращает внимание на то, что эти и другие «факты неоднознач-

ной соотносимости ментального и вербального — появление нестандартных сочетаний, изменение объема значения слов и др. — влияют на композиционные нормы и в конечном счете оказывают влияние на систему языка в целом»¹² [на сложность композиционной семантики сочетаний существительных с прилагательными было обращено внимание в ряде лингвистических работ, среди которых одно из центральных мест занимают исследования Е. С. Кубряковой, справедливо указавшей на то, что в рамках когнитивного подхода к лексической семантике... «было продемонстрировано, насколько сложной интерпретации требуют, казалось бы, достаточно обычные случаи простого сочетания атрибута с существительными (типа *красный карандаш*)»¹³ и что лингвист, изучающий сочетания прилагательных с существительными, «не может не обратить внимание на то, какой причудливой и своеобразной оказывается зачастую композиционная семантика комплексных единиц и к каким интересным результатам построения, организации и функционирования этих единиц она приводит в теоретическом отношении»¹⁴].

Третий тип сочетаний «имя прилагательное + имя существительное», встретившихся, главным образом, в спонтанной неподготовленной речи носителей русского языка, а также в некоторых региональных газетах, является также следствием отражения современной языковой картины мира и не менее релевантным показателем нынешней языковой и речевой ситуации. Ни для кого не секрет, что норма современного русского языка в настоящее время оказывается весьма эластичной, максимально приближенной к ситуации, к среде и теме общения. При этом важно иметь в виду, что анализ современного состоя-

ния русского языка свидетельствует о том, что возможности сочетаемости слов в последние несколько десятилетий были значительно расширены не только в лексико-семантическом аспекте (о чем шла речь выше), но и даже в плане грамматики (ср. *хороший врач, директор* и *хорошая врач, директор* и др.). И все же некоторые из собранных нами примеров представляют собой безусловные *ненормативные* сочетания слов.

Общеизвестно, что связи слов в словосочетании и в строе предложения подчиняются определенным закономерностям, и только определенные слова способны сочетаться между собой на основе известных правил. Как справедливо заметил С. Д. Кацнельсон, «как в химии далеко не всякий элемент способен сочетаться с атомами других элементов, так и в живой целостной речи далеко не каждое слово сочетается с любым другим. Конечно, можно сказать *деревянное железо* или *сапоги всмятку*, но «можно» только в том смысле, в каком говорится, что язык без костей... Определенная форма субъекта сочетается с предикатами определенного типа, определенная атрибутивная категория предполагает вполне определенное по типу определяемое и т. д.»¹⁵. Правила ограничений сочетаемости лексем (в том числе и имен) базируются как на собственно лингвистических, так и на экстралингвистических законах, и в зависимости от типов сочетаемости в разных лингвистических источниках выделяют разные виды ограничений на совместное употребление элементов: *экстралингвистические* и *интралингвистические* (фонематические, лексические, семантические, морфологические, синтаксические, стилистические, просодические и др.).

Нарушение законов сочетаемости может иметь ряд существенных послед-

ствий. Так, например, нарушение закона семантического согласования (сформулированного В. Г. Гаком следующим образом: «для того, чтобы два слова составили правильное сочетание, они должны иметь, помимо специфических, различающих их сем, общую сему, либо не иметь несовместимых сем»¹⁶) и, как следствие, появление в компонентах сочетания противоречащих сем может привести: а) к переосмыслению одного или обоих компонентов, б) к «угасанию» «лишней семы» у одного из слов в синтагме, в) к контекстуальному изменению значений одного или обоих слов (ср.: *больная совесть, Весь дом говорил об этом*)¹⁷. Результатом этих изменений на языковом уровне становится появление разного рода устойчивых сочетаний слов (ср. *черные мысли, золотые руки* и др.); эти же явления — фундамент для объяснения такого феномена, как оксюморон (ср. *горькая радость, сладкие слезы, живой труп, обыкновенное чудо* и др.).

В стилистическом плане намеренное нарушение сочетаемостных ограничений нередко становится эффективным средством художественной выразительности, и своего рода неожиданное сочетание может являться даже показателем оригинальности авторской манеры (ср. в этой связи известную фразу Н. Хомского *Colourless green ideas sleep furiously* — ‘*Бесцветные зеленые идеи яростно спят*’, а также появившееся задолго до этого предложение Л. Н. Толстого *Все тот же ужас, красный, белый, квадратный* и др. Ср. также употребление прилагательного *беременный* в форме мужского рода в знаменитой фразе Д. Бурлюка *Мне нравится беременный мужчина, прислонившийся к памятнику Пушкина*). Как образно заметил А. Е. Бочкарев, нарушение такого рода сочетаемостных ограничений «сродни пласти-

ческому сдвигу в кубофутуристической живописи»¹⁸.

Сочетания, названные нами *ненормативными*, являются «серьезным» последствием отсутствия следования законам сочетаемости, что ведет к нарушению общепринятой нормы и в ряде случаев свидетельствует о низком уровне языковой и речевой культуры носителей языка. Эту мысль можно подкрепить серьезными исследованиями Н. Д. Арутюновой, справедливо обратившей внимание на то, что «человек, плохо владеющий языком, часто нарушает лексический узус и лексические нормы сочетаемости слов...»¹⁹, а «правила, фиксирующие лексические ограничения на сочетаемость, имеют статус нормы. Их нарушение свидетельствует о недостаточном владении языком или его литературным стандартом»²⁰.

В ряду наиболее типичных речевых ошибок, связанных с нарушением норм при сочетаемости имен существительных с прилагательными, отметим следующие:

1) явные и скрытые тавтологии и плеоназмы типа: *Вы стоите сейчас перед принятием решительных решений; Наша беседа подошла к завершающему концу; Наружная внешность героини достаточно привлекательна* и др.;

2) семантические тавтологии, связанные с «издержками» в освоении иноязычных слов типа *народный фольклор, свободная вакансия, монументальный памятник, мизерные мелочи, ведущий лидер, главный лидер, огромная махина, выдающийся виртуоз, специфические особенности* и др., ср.: *В ответ на критику часто получаешь обратный бумеранг; В это трудное и нелегкое время правительство должно представлять единый монолит; Каждый стремится привезти на память памятный сувенир, возвращаясь домой из зарубежного пу-*

тешества; Посетители нашего ресторана могут отведать изысканные и вкусные деликатесы из мяса и рыбы; В прошлый выходной жители наблюдали необычный феномен; Пламя загорания бумажной макулатуры возникло от непогашенной сигареты и стало источником пожара; Россия, которая еще недавно была передовым авангардом всемирного движения за мир, не может урегулировать нынешний конфликт в Чечне и т. п.;

3) неудачное использование фразеологизмов вследствие незнания их семантики: *Радостные и счастливые выпускники спели на прощание свою лебединую песню; Директор школы на торжественной линейке сказал: «Мы сегодня собрались, чтобы проводить в последний путь своих выпускников»; «Спасибо строителям сегодняшней выставки за путешествие в мир иной, где так отдыхаешь душой!»; Перед нашими учеными непочатый край научных поисков; Не замыкайтесь в себе и делитесь с нами своими больными местами* и др.

Появление в речи носителей русского языка этих и подобных сочетаний обусловлено, на наш взгляд, отсутствием у говорящих определенных знаний, связанных как со значением употребляемых при образовании сочетаний слов, так и с существующими синтагматическими законами «притяжения слов» в родном языке. Определенным образом факт наличия серьезных речевых ошибок может быть объяснен так называемой «лингвистической глухотой» или отсутствием лингвистического чутья у некоторых носителей русского языка.

Таким образом, сочетания, построенные по модели «имя прилагательное + имя существительное», на протяжении всей истории развития русского языка являлись хорошим иллюстративным материалом, отражающим основные ак-

тивные процессы разных языковых эпох, и в настоящее время продолжают оставаться актуальным маркером современной языковой и социокультурной ситуации. Так, образование новых комбинаций и уход в пассив многих активно употреблявшихся ранее сочетаний является закономерным свидетельством происходящих в сегодняшнем обществе изменений; частотность окказиональных сочетаний, построенных согласно законам оксюморона, представляет, на наш взгляд, общую тенденцию современной языковой личности к противоречию и стремлению к самовыражению посредством, например, использования антонимичных категорий; регулярность появления в спонтанной речи носителей языка и фиксированность ненормированных сочетаний в средствах массовой информации свидетельствует о понижении уровня речевой культуры широких слоев населения.

С. И. Ожегов в работе «Основные черты развития русского языка в советскую эпоху», впервые опубликованной в 1951 году в «Учительской газете», справедливо заметил: «Развитие производства, техники значительно расширило возможности сочетаемости слов... В этой области заложены самые широкие возможности обогащения словарного состава»²¹. И в настоящее время лексическая сочетаемость продолжает оставаться мощным инструментом обогащения словарного состава русского языка. Однако, к сожалению, не все носители русского языка владеют знанием основ валентностных возможностей лексем, и в результате не все созданные сочетания отвечают нормативным требованиям и свидетельствуют о высокой речевой культуре. Вместе с тем, необходимо заметить, что реализации сочетаемостных возможностей лексем служат показателем особого «почерка» эпохи, что отно-

сится, безусловно, и к созданным в конце XX — начале XXI века атрибутивно-субстантивным сочетаниям в современном русском языке.

Проанализированные нами комплексные единицы, построенные по модели «имя прилагательное + имя существительное», достаточно наглядно иллюстрируют существование двух основных тенденций в развитии современного русского языка — демократизации и интеллектуализации: с одной стороны, наблюдается заметное, оправданное и неоправданное, нарушение привычных образцов сочетаемости слов, с другой стороны, яркой приметой времени является усложнение языковых структур, стоящих за языковыми знаками, — при всей кажущейся простоте языковые единицы очень сложны для понимания и интерпретации.

Л. В. Щерба в статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании», впервые опубликованной в 1931 году, справедливо заметил: «...при говорении мы часто употребляем формы, которых никогда не слышали от данных слов, производим слова, не предусмотренные никакими словарями, и, что главное и в чем, я думаю, никто не сомневается, сочетаем слова хотя и по определенным законам их сочетания, но зачастую самым неожиданным образом, и во всяком случае не только употребляем слышанные сочетания, но постоянно делаем новые»²². Появление новых комбинаций, построенных «хотя и по определенным законам их сочетания, но зачастую самым неожиданным образом», всегда будет являться стимулом как для дальнейших исследований в области синтагматики языковых единиц, так и для описания новых явлений и активных процессов, свойственных современному русскому языку XXI века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лейчик В. М. Интеллектуализация и демократизация — противоположные тенденции в развитии современного русского языка // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. М., 2003. С. 420–423.
- ² Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001. С. 237–238.
- ³ Караулов Ю. Н. Великий...могучий...многострадальный // Неделя. 1989. № 40. С. 15.
- ⁴ Более подробно о функционировании существительного *беспредел* в современном русском языке см., напр.: Валгина Н. С. Указ. изд. С. 44–45; Костомаров В. Г. Слово *беспредел* и активизация иных бессуффиксных существительных // Филологический сборник. М., 1995; Какорина Е. В. Трансформации лексической семантики и сочетаемости // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000 и др.
- ⁵ Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974. С. 36–46.
- ⁶ См., напр., Лихолитов П. В. Компьютерный жаргон // Русская речь. 1997. № 3.
- ⁷ Валгина Н. С. Указ. изд. С. 79.
- ⁸ Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения: Учеб. пособие. М., 1988. С. 151.
- ⁹ Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складчиковой. СПб., 2000.
- ¹⁰ Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки. М., 1987. С. 29.
- ¹¹ Кобринина Н. А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации // Концептуальное пространство языка: Сб. научн. трудов / Под ред. Е. С. Кубряковой. Тамбов, 2005. С. 83.
- ¹² Кобринина Н. А. Указ. изд. С. 84.
- ¹³ Кубрякова Е. С. Композиционная семантика и ее особенности в сфере словообразования // Проблемы семантического анализа лексики. М., 2002. С. 53.
- ¹⁴ Кубрякова Е. С. О нетривиальной семантике в сочетаемости прилагательных с существительными // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2004. С. 153.
- ¹⁵ Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. Л., 1986. С. 127.
- ¹⁶ Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. (На материале французского и русского языков.) М., 1977. С. 23.
- ¹⁷ Гак В. Г. Указ. изд. С. 27; Гак В. Г. Сочетаемость // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 483.
- ¹⁸ Бочкарев А. Е. Семантический словарь. Нижний Новгород, 2003. С. 143.
- ¹⁹ Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). 2-е изд., стереотипное. М., 2002. С. 120.
- ²⁰ Арутюнова Н. Д. Указ. изд. С. 93.
- ²¹ Ожегов С. И. Указ. изд. С. 35.
- ²² Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 2004. С. 24.

N. Yudina

ON SOME NEW PHENOMENA IN LEXEME COLLOCATING
IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE
(Based on attributive-substantive complexes)

According to the modern linguistic studies democratization and intellectualization make two most consistently manifested tendencies in the development of the Russian language of the XX–XXI centuries which create a unique mixture of positive and negative language/speech factors. An attempt is made to analyze the representation of the tendencies of democratization and intellectualization in the field of linguistic collocating based on the so called attributive-substantive complexes (ASC) – collocations built according to the model “adjective+noun” and picked out through the method of complete sampling from works of the modern prose and mass media in 2000–2005. The discovered peculiarities of lexeme collocating in the described three types of ASC (usage, occasional, normative) illustrate some new and traditional processes characterizing the Russian language of the beginning of the XXI century.